

А.В. Чудинов
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского

ЧУМА В ВОСТОЧНОЙ АРМИИ БОНАПАРТА

1798–1801 гг.

В продиктованных на острове Святой Елены воспоминаниях Бонапарта о Египетском походе 1798–1801 гг. тема чумы звучит эпизодически – только там, где это выгодно для поддержания «золотой легенды», которую бывший император создавал о себе самом. А после рассказа о его отъезде из Египта чума в этих мемуарах и вовсе не упоминается. Более того, в одном из текстов, также продиктованных Наполеоном на Святой Елене, прямо утверждалось, что его преемникам во главе Восточной армии уже не приходилось иметь дела с чумой. Однако автор статьи, опираясь на отчеты французских военных врачей, на дневники и воспоминания других военнослужащих, на официальные документы, показывает, что чума была постоянной спутницей Восточной армии в Египте и Сирии с первого и до последнего дня похода. Ей французы были обязаны значительной долей понесенных ими потерь. Чума в Дельте Нила вспыхнула практически одновременно с началом Египетской экспедиции или, точнее сказать, экспедиция прибыла в самый очаг эпидемии. Первая волна заболевания продолжалась до весны 1799 г. Особенно пострадал от нее гарнизон Александрии. Однако не успела здесь первая волна сойти на нет, как отправившиеся в Сирию основные силы армии оказались охвачены второй волной, еще более смертоносной. И хотя чума отнюдь не была главной причиной неудачного для французов исхода Сирийской кампании, она немало ему способствовала. Пик же эпидемии пришелся именно на последний год экспедиции, вопреки всему тому, что утверждал позднее Бонапарт. Ключевые слова: история, Франция, Египет, Наполеон Бонапарт, Египетский поход 1798–1801 гг., эпидемия, чума

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20–18–00113.

Цитирование: *Чудинов А.В.* Чума в Восточной армии Бонапарта 1798–1801 гг. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-63-90 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 63-90.

Поступила в редакцию: 04.01.2021

Принята к печати: 11.06.2021

Alexander V. Tchoudinov
Saratov State University

THE PLAGUE IN BONAPARTE'S ARMY OF ORIENT 1798–1801

In Bonaparte's memoirs on the Egyptian campaign of 1798-1801, dictated on the island of St. Helena, the theme of the plague sounds episodically – only where it is useful to maintain the “golden legend” about himself that the former emperor elaborated. The plague is not mentioned at all in these memoirs after the story about his departure from Egypt. Moreover, in one of the texts, also dictated by Napoleon at St. Helena, it was explicitly stated that his successors at the head of the Army of Orient no longer had to deal with the plague. However, the author of the article, relying on the reports of French army doctors, on the diaries and memoirs of other militaries, on official documents, shows that the plague was a constant companion of the Army of Orient in Egypt and Syria from the first to the last day of the campaign. The French owed a significant share of their losses to this disease. The plague in the Nile Delta broke out almost simultaneously with the beginning of the Egyptian expedition, or, more precisely, the expedition arrived at the very center of the epidemic. The first wave of the disease lasted until the spring of 1799. The garrison of Alexandria was particularly affected by it. The first wave did not have time to extinguish here, as the main army forces that went to Syria were engulfed by the second wave, even more deadly. And although the plague was by no means the main cause of the unsuccessful outcome of the Syrian campaign for the French, it contributed a lot to it. At last, the peak of the epidemic occurred precisely in the last year of the expedition, contrary to everything that Bonaparte later claimed.

Keywords: history, France, Egypt, Napoleon Bonaparte, the Egyptian campaign of 1798-1801, epidemic, plague

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00113.

Citation: Tchoudinov, A.V. (2021). Chuma v vostochnoi armii Bonaparta 1798–1801 gg. [The plague in Bonaparte's Army of Orient]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-63-90. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 63-90.

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней...
А. С. Пушкин «Герой»

Введение

Наполеон Бонапарт был столь непревзойденным гением военного дела, что ни одному полководцу не удалось его победить. Во всяком случае, так считал он сам. Все неудачи, что когда-либо выпадали на его долю, являлись, если верить Наполеону, результатом природных катаклизмов или чьей-то чужой вины. В России его армию погубила рано наступившая зима; сражение при Лейпциге он проиграл из-за измены саксонцев, а битву при Ватерлоо – из-за нерадивости маршала Груши, не успевшего вовремя прийти на помощь.

Не признавал Бонапарт за собой вины и в неудаче Египетского похода 1798–1801 гг. Это затеянное им военное предприятие закончилось гибелью четверти личного состава Восточной армии и в конечном счете ее капитуляцией. Впрочем, покинув Египет спустя год после начала кампании, когда ее будущий печальный исход стал уже очевидным, но пока еще не наступил, Бонапарт получил возможность переложить ответственность за катастрофу на своих преемников, которые дескать и развалили оставленное им добротное хозяйство.

Однако поражение французских войск под Акрой – переломный момент всей Египетской экспедиции – требовало какого-то иного объяснения, поскольку произошло как раз тогда, когда армией командовал сам Бонапарт. И такое объяснение он дал, диктуя на острове Святой Елены мемуары об этих событиях: «...Французский главнокомандующий все же взял бы город, несмотря на прибытие [в помощь осажденным. – *А. Ч.*] дивизии с Родоса, если бы не опустошения, производимые чумой, и не известия из Европы»¹. Чуть далее он пояснил, какие «опустошения» имел в виду. Речь шла отнюдь не о потерях французской армии от эпидемии, как можно было бы подумать, а об эпидемии среди защищавших Акру турецких войск: «Чума свирепствовала ужасающим об-

¹ *Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2007. С. 244.*

разом среди гарнизона, не было никакого средства предохранить от нее [французскую] армию; если бы последняя стала упорствовать в своем предприятии и штурмом овладела городом, она потеряла бы еще 1000 человек от чумы»². Иными словами, в данном случае природным обстоятельством непреодолимой силы, сорвавшим гениальный план великого полководца, стала чума. Если бы не опасение французов заразиться ею от неприятеля, Акра, считал Бонапарт, непременно бы пала, а следом за нею оказались бы заняты Дамаск, Алеппо, да и вся Сирия, уж там «после шести месяцев пользования ресурсами Сирии армия оказалась бы в состоянии предпринять осенью что угодно»³.

Однако к моменту осады Акры французская армия, как сам же Бонапарт сообщил несколькими страницами ранее, уже познала чуму. Об этом он рассказал в связи с эпизодом своего посещения больных в чумном госпитале Яффы:

«Марш через пустыню был весьма утомительным, а переход от чрезвычайно сухого климата к сырому и дождливому отразился на здоровье солдат. Госпиталя, открытого в монастыре монахов ордена Святой земли, не хватало. Число больных достигло 700, коридоры, кельи, дортуары, двор были забиты ими. Главный хирург Ларрей не скрывал своих тревог; несколько человек умерло через сутки после поступления в госпиталь; болезнь их прогрессировала с большой быстротой, были обнаружены симптомы чумы. Болезнь начиналась с рвоты; температура поднималась очень высоко, больные страшно бредили; в паху у них появлялись бубоны, и, если сразу же затем последние не прорывались, больной умирал. Монахи ордена Святой земли заперлись и не пожелали больше общаться с больными, санитары дезертировали, госпиталь был до такой степени покинут, что не хватало питания, и офицерам медицинской службы приходилось все делать самим. <...> Тщетно показывали они пример, удвоив заботливость и рвение; армию охватил страх. Одной из особенностей чумы является то, что она более опасна для тех, кто ее боится; почти все, кто позволил страху овладеть собой, умерли от нее. Главнокомандующий <...> лично отправился в госпиталь, его присутствие принесло утешение больным; он приказал оперировать нескольких больных в своем присутствии; бубоны проткнули, чтобы облегчить наступление кризиса; он прикоснулся к тем, которые казались наи-

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 241.

более потерявшими присутствие духа, чтобы доказать им, что они страдают обычной, незаразной болезнью. Результатом всех принятых мер явилось сохранение армией уверенности в том, что это не чума; лишь несколько месяцев спустя пришлось все же согласиться с тем, что это была чума»⁴.

Я не стану обсуждать здесь реальность данного эпизода, которая у ряда современников вызывала серьезные сомнения⁵, что, впрочем, не помешало художникам и литераторам восславить поступок Бонапарта в картинах и сочинениях. Обращу внимание лишь на связанные с ним логические противоречия. Если уже в Яффе армия, по признанию самого автора мемуаров, была поражена чумой (700 человек в тот момент составляло более 5% ее личного состава), то почему же тогда всего два месяца спустя угроза для французских войск заразиться ею от гарнизона Акры покажется Бонапарту столь значимой, что он откажется от взятия этой крепости и соответственно от всех своих далекоидущих планов? Значит ли это, что к завершению осады Акры французская армия уже полностью избавилась от начавшейся в ней двумя месяцами ранее чумы? Ответов на эти вопросы в мемуарах Бонапарта мы не найдем. Еще раз о чуме их автор упоминает лишь в связи с тем, что при отступлении армии от Акры он обнаружил в Яффе несколько смертельно больных, нетранспортабельных солдат, которым во избежание их пленения турками приказал дать лауданум⁶. После этого тема чумы исчезает из его повествования так же внезапно, как ранее там появилась.

По счастью, мемуары Бонапарта – не единственный источник по истории Египетского похода. Многие из врачей, участвовавших в той кампании, оставили труды о ее медицинских аспектах⁷. Опираясь на их сочинения, на дневники и воспоминания других военнослужащих Восточной армии, на ее официальные документы, мы и попытаемся выяснить, какую именно роль сыграла чума в конечной неудаче первого из тех грандиозных начинаний Наполеона, которые в конечном счете окончились полным крахом.

⁴ Там же. С. 229–230.

⁵ Подробнее см.: *Hutin J.-F. La campagne d'Égypte: une affaire de santé (1798–1801)*. P., 2011. P. 331–338.

⁶ *Наполеон Бонапарт*. Указ. соч. С. 274.

⁷ См.: *Hutin J.-F. La littérature médicale de la campagne d'Égypte // Histoire des sciences médicales*. 2012. Т. 46.

«Царица болезней»

В момент выхода экспедиции из Тулона 19 мая 1798 г. медицинский персонал Восточной армии, как, впрочем, и подавляющее большинство ее солдат и офицеров, не имел ни малейшего представления о том, в какую именно часть земного шара они направляются. Да и сама армия тогда еще называлась не «Восточной», а «Английской». О конечном пункте плавания ведало не более сорока человек высшего командного состава⁸. В их число, однако, входили главный врач армии Рене Николая Дюфриш Деженет и ее главный хирург Доминик Ларрей. Оба они прекрасно понимали, что в Египте им неизбежно придется столкнуться с чумой, поскольку европейским врачам издревле было известно, что она для этой страны является эндемичным заболеванием.

Участник экспедиции, врач и фармацевт Станислас Крузе, годы спустя после возвращения во Францию написал и опубликовал «Диссертацию о чуме», где, в частности, перечислил наиболее масштабные эпидемии этой болезни, оставшиеся в истории:

«Эта страшная болезнь известна пока лишь по своим ужасным последствиям. Мы знаем, что в течение многих столетий она поражала восточные страны и что в Египте на протяжении бесчисленных веков она появлялась особенно часто. Моисей <...> говорил о чуме <...> как о болезни слишком хорошо известной живущим на берегах Нила <...>. Чума, появившаяся в Афинах в 431 г. до н. э., взяла свое начало на Ниле, как обоснованно отмечает Фукидид. И та, что в 542 г. опустошила всю землю, возникла среди египтян в Пелузии, откуда добралась до Александрии, Палестины, Константинополя и распространилась по всему известному тогда миру, который она заставляла страдать на протяжении пятидесяти двух лет. Также из Египта к нам пришла чума XIV в., которая, унеся половину населения Каира, повергла в скорбь все наше полушарие и особенно наиболее процветающие королевства Европы»⁹. Отсюда следовал вывод: «Чума эндемична для внутренних областей Египта и побережья Сирии, поскольку она царит там на протяжении веков...»¹⁰

Хотя это было написано спустя два десятилетия после экспедиции, перечисленные факты были, бесспорно, прекрасно известны и до нее. А потому для руководителей медицинской службы армии

⁸ *La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. P., 2003. T. 2. P. 8.*

⁹ *Crouzet S. Dissertation sur la peste. Marseille, 1822. P. 2–3.*

¹⁰ *Ibid. P. 3.*

Бонапарта, знавших, что они направляются в Египет, было очевидно, что встречи с чумой не избежать. И они постарались подготовиться к встрече с этим будущим противником.

Ларрей на протяжении всего путешествия готовил соответствующую инструкцию для подчиненных, читая медицинскую литературу и записки путешественников по Египту, а также опрашивая переводчиков, ранее бывавших в этой стране. И как только личный состав Восточной армии из зачитанного на кораблях обращения Бонапарта от 22 июня 1798 г. узнал, куда именно направляется, хирурги 1 ранга получили от Ларрея наставление «о их служебных обязанностях, о влиянии египетского климата на здоровье недавно прибывших туда европейцев и о чумной язве – одном из главных симптомов одной из наиболее опасных болезней, которые нас там атакуют»¹¹.

В те же дни к Деженетту обратился один из канониров с галиота «Эркуль», некий Франсуа Игре, сообщив, что ранее сталкивался с чумой, и предложив свои услуги в предстоящей борьбе с нею¹².

Однако даже эти почерпнутые Ларреем и Деженеттом из книг и разговоров сведения мало чем могли помочь их коллегам. Чума тогда еще оставалась великим неизвестным и будет таковым до конца XIX в. Даже два десятка лет спустя после завершения Египетского похода доктор Крузе, имевший за плечами опыт не только трех лет этой кампании, но и дальнейшей медицинской практики, мог сказать о чуме только: «Ее специфическая природа в точности не известна, как и условия заражения ею»¹³. С этой смертельной болезнью, которая бралась неизвестно откуда (роль блох как главных переносчиков данной инфекции будет установлена лишь век спустя) и которую было неизвестно как лечить, французам и предстояло встретиться в Египте.

Первая волна эпидемии

1 июля французская армия начала высадку в бухте Марабут. 2 июля штурмом была взята Александрия. После недолгой передышки Бонапарт 6 июля повел основные силы армии к Каиру, оставив в Александрии гарнизон с генералом Клебером во главе. Клебер, несмотря на полученное им при штурме ранение, развернул активную деятельность по обустройству французам в городе, о

¹¹ Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. P., 1812. T. 1. P. 190.

¹² Desgenettes R. Histoire médicale de l'armée d'Orient. P., 1802. P. 9.

¹³ Crouzet S. Op. cit. P. 1.

чем подробно сообщал в депешах, регулярно отправляемых главнокомандующему. Ответа он, правда, долгое время не получал. Армия продолжала марш на Каир, пустыню вокруг нее наводняли враждебно настроенные племена бедуинов, и прямая связь с Александрией была утрачена. Тем не менее, Клебер продолжал слать депеши Бонапарту в надежде на то, что хоть какие-то из них достигнут адресата¹⁴.

В его донесении от 17 июля и прозвучал первый для Восточной армии тревожный звонок: «Три дня назад человек [здесь] умер от чумы. Это был еврей. Санитарная комиссия не сможет принять положенные меры предосторожности, если ей не выделят какие-либо средства»¹⁵. После того, как Бонапарт, победив мамлюков в битве при Пирамидах, 22 июля занял Каир, связь его штабквартиры с Александрией была, наконец, восстановлена. И тогда главный врач армии Деженетт из присланных ему начальником медицинской службы Александрии протоколов узнал подробности происшедшего, а именно, «что еврей Рафаэль, проживавший в доме раввина Музы (Mouza) близ рыбного рынка, скоропостижно скончался. У него на теле обнаружили большой синеватый бубон* в верхней части предплечья. <...> Регистр распорядителя лазарета свидетельствует о том, что незадолго до нашего прибытия в том же самом доме от чумы умерло шесть человек: жена, свояченица, двое сыновей, дочь и слуга Рафаэля»¹⁶. Это означало, что эпидемия в Александрии вспыхнула практически одновременно с началом Египетской экспедиции или, точнее сказать, экспедиция прибыла в самый очаг эпидемии.

Не прошло и месяца, как Деженетт вновь получил тревожные вести из Александрии. Ему сообщили, что 8 августа в госпиталь с подозрениями на чуму доставили сына и дочь некоего Кампанини, известного в городе тем, что не брезгает скупать пожитки умерших от чумы. На следующий день оба больных, брат и сестра, скончались. Всех, кто с ними контактировал, отправили в карантин¹⁷. Чума ходила рядом, и то, когда она придет в Восточную армию, было лишь вопросом времени.

¹⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. М., 2019. С. 44–51.

¹⁵ Kléber en Égypte 1798–1800. P., 1988. T. 1. P. 132.

* Бубон – увеличенный вследствие воспаления лимфатический узел, один из главных симптомов бубонной чумы.

¹⁶ Desgenettes R. Op. cit. P. 14–15.

¹⁷ Ibid. P. 15–16.

Впрочем, рядовые участники экспедиции в тот момент, похоже, еще не слишком из-за этого беспокоились, веря в чудесную силу карантина. Молодой инженер Рене-Эдуард де Вильер дю Терраж, приехав из Александрии в Розетту, 15 июля записал в своем дневнике:

«Когда мы прибыли в Александрию, оттуда лишь месяц как ушла чума. Однако несколько домов еще были инфицированы. Я видел один такой в Александрии. Говорят, что и тот, в котором мы живем, от нее очень пострадал. В этом году зараза унесла много жизней. <...> Если благодаря карантинам мы сможем уберечь Египет от чумы, какую же услугу мы окажем его обитателям, избавив их от мамлюков и от этой болезни!»¹⁸

Карантины и другие предпринятые французами меры предосторожности смогли лишь отсрочить начало эпидемии в Восточной армии. Сыграл свою роль и начавшийся в августе разлив Нила – период, когда чума в Египте обычно исчезает. Но уже осенью она явила себя во всей мощи.

Сначала чума пришла в Дамьетту. Нулевым пациентом, по свидетельству Деженетта, здесь оказалась местная женщина-христианка. 3 октября у нее началась жестокая лихорадка, появился бубон. Однако через несколько дней она благополучно поправилась. Не заболел никто и из ее близких, ухаживавших за ней во время болезни. Меньше повезло французу Лентрену, заведовавшему армейским складом провизии. В тот же самый день, 3 октября, у него проявились аналогичные симптомы. 6-го мужчину забрали в госпиталь, но ему это мало помогло. У него начался бред, взгляд становился всё более неподвижным, силы быстро покидали больного. 9 октября он скончался. Даже после вскрытия тела врачи не смогли прийти к единому мнению относительно диагноза (о чуме они до сих пор знали лишь из книг и не видели ее воочию). Протокол вскрытия отправили в Каир на суд главного врача, и Деженетт вынес окончательный вердикт: это – чума! В Дамьетту полетел приказ главнокомандующего принять необходимые профилактические меры, но было уже поздно: «В госпиталь один за другим поступали солдаты, тяжело пораженные той же болезнью. Лишь очень немногие из них выздоровели»¹⁹. Эпидемия продолжалась

¹⁸ *De Villiers du Terrage E. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte (1798–1801). P., 1899. P. 50.*

¹⁹ *Desgenettes R. Op. cit. P. 19–21.*

там три месяца. Наконец, 3 января 1799 г. из Дамьетты сообщили, что болезнь пошла на спад²⁰, а 17 января комендант Дамьетты, генерал Ш.Ф. Дюга и главный врач этого округа А. Саварези доложили об окончании эпидемии чумы, добавив, правда, что теперь теряют много людей от дизентерии²¹.

* * *

В Александрии чума появилась в середине декабря 1798 г. сначала среди пациентов морского госпиталя²². О том, как мало тогда врачи знали о природе этой болезни, свидетельствует вопрос, заданный Деженетту распорядителем александрийских госпиталей: следует ли вещи умерших от чумы сжигать или достаточно помыть-постирать? Считая, что при недостатке дезинфицирующего средства, в качестве которого использовался щелок, эти вещи надо сжигать, Деженетт, тем не менее, не решился взять на себя ответственность за подобное решение, предполагавшее изрядные материальные издержки, и вынес его на суд главнокомандующего. Бонапарт решительно высказался в пользу сожжения зараженных вещей, ответив словами героя поэмы Т. Тассо: «Я прибыл сюда, чтобы защищать интересы Европы в сердце Старого света, а не обогащаться»²³.

По свидетельству Деженетта, генерал О.Ф. Мармон, незадолго перед тем назначенный комендантом Александрии, проявил в столь чрезвычайных обстоятельствах «мудрую распорядительность»: устроил в большой мечети карантинный лазарет для содержания тех, кто контактировал с зараженными, создал отдельный госпиталь для чумных больных, вывел войска за пределы города, ввел регламент действий в условиях эпидемии и установил строгое наблюдение за городом, обоими портами и госпиталями²⁴. На какое-то время даже показалось, что эпидемию удалось взять под контроль и она пошла на спад. 24 декабря Мармон весьма оптимистично писал Бонапарту:

«Я надеюсь, мой дорогой генерал, что мы справились с этой напастью и что, если чума вновь появится, она не будет уже столь опу-

²⁰ Ibid. P. 26.

²¹ Ibid. P. 29.

²² Ibid. P. 22.

²³ Ibid. P. 24. Пр процитированные по-французски Бонапартом слова из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе В.С. Лихачева на русский звучат еще более выразительно: «Я в Азии – боец, а не торговец».

²⁴ Ibid. P. 25.

стошительной. С момента моего предыдущего послания у нас был только один случай заражения чумой. Французский портной, чья лавочка была завалена старым хламом, заболел и умер. Мы приняли все меры, которые подсказало нам благоразумие, дабы избежать распространения болезни, и ощущаем их благотворный эффект»²⁵.

В тот момент, отмечает Деженетт, в Александрии насчитывалось от 12 до 15 умерших, в том числе пять медиков, работавших в морском госпитале. Интересно, что местных жителей эта эпидемия тогда еще не тронула²⁶.

Артиллерист Л.Ж. Брикар, вернувшийся 25 декабря в Александрию после командировки в Каир, так описывал перемены, произошедшие за время его отсутствия:

«...Я с огорчением узнал, что здесь, действительно, царствует чума; что, несмотря на принимаемые меры, каждый день происходят новые случаи заражения. Никто из солдат не может пойти в город, кроме как по крайней необходимости. Во всех службах бумаги берут пинцетом, проводят через духи и наконец перед тем, как вам их вернуть, – через уксус. Для всех, кто болел и вышел из госпиталя, установлен карантин. Повсюду сплошные барьеры для затруднения коммуникации. Печальнее всего видеть больных, за которыми очень плохо ухаживают и которые не получают самого необходимого. Каждый боится и старается отстраниться; избегают даже самых лучших друзей»²⁷.

Отмеченное Мармоном ослабление эпидемии оказалось недолгим. После короткого затишья число больных стало быстро расти. Уже 4 января 1799 г. армейский врач Г. Сальз доложил, «что эпидемия продолжает опустошать город, что госпитали № 1 и № 2 [помимо ранее пострадавшего № 3 (морского). – А. Ч.] также захвачены ею и уже в течение трех дней находятся на строгом карантине, что за последние пятнадцать дней умерло больше тридцати человек и болезнь перекинулась на военный лагерь». Он также сообщил, что для тех лиц, что контактировали с зараженными, введены жесткие правила изоляции. В результате старшие врачи, на которых лежала обязанность руководства всей медицинской службой, непосредственно не могли соприкасаться с больными.

²⁵ Mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse, de 1792 à 1841. 3e éd. P., 1857. T. 1. P. 439.

²⁶ Desgenettes R. Op. cit. P. 25.

²⁷ Journal du canonnier Bricard. P., 1891. P. 347–348.

Это делали медики более низкого ранга, которые находились вместе с больными в строгой изоляции и в ней же умирали, не успев поделиться с коллегами своими наблюдениями о течении болезни и о применявшихся для ее лечения методах. Впрочем, жертвой чумы стал и руководитель хирургической службы в Александрии, хирург 1 ранга П. Маскле²⁸.

Большие потери среди медицинского и обслуживающего персонала госпиталей, а также растущее недовольство солдат отмечается в своем дневнике артиллерист Брикар:

«К 15 нивоза [4 января 1799 г.] умерло несколько хирургов и врачей, наемных работников и служителей, из-за чего много народа было помещено в карантин и были удвоены меры, чтобы помешать распространению жестокого поветрия. Местных жителей эта болезнь не поражала. Они даже говорили, что это совсем не чума, а какая-то эпидемическая болезнь французов. Их доводы основаны на том, что эта зараза [чума] обычно приходит двумя месяцами позднее. Однако санитарный комитет твердо стоит на том, что налицо все признаки чумы и лечить надо именно ее. Солдаты сильно ропщут; они горько жалуются на плохой провиант и невыплату им жалования»²⁹.

Генерал Мармон так позднее вспоминал о том времени:

«...Симптомы чумы появились в наших госпиталях. Эта новость вызвала большую тревогу среди франков³⁰ и среди наших солдат. Был отдан приказ об изоляции этого госпиталя и о всевозможных мерах предосторожности. Число заболевших росло, страх захватывал умы. Все, включая хирургов, хотели бы оказаться подальше. Однако заболевшие имелись не только среди пациентов госпиталей; они были и в казармах, и среди местных жителей и, наконец, повсюду»³¹.

В письме Мармона Бонапарту от 22 января 1799 г. от былого оптимизма уже нет и следа:

«Наши несчастья множатся каждый день, мой дорогой генерал, и каждый миг увеличивает наши потери. Позавчерашний день стоил нам семнадцати умерших, вчерашний – примерно столько же. Наше положение поистине плачевно. Я не преувеличиваю наши беды, но если не прийти быстро нам на помощь, они достигнут апогея. Не-

²⁸ Ibid. P. 28

²⁹ Journal du canonnier Bricard. P. 349.

³⁰ «Франками» в Египте называли проживавших там западноевропейцев.

³¹ Mémoires du Maréchal Marmont. T. 1. P. 412.

довольство в войсках крайнее; оно таково, что я с полным основанием ожидаю восстания...»³²

Какой помощи ожидал комендант Александрии от главнокомандующего? Прежде всего деньгами. Задолженность в жаловании перед солдатами и офицерами была большой и продолжала расти. В сочетании же с эпидемией она и вовсе становилась взрывоопасным фактором. После долгих объяснений Бонапарту о необходимости решения финансовой проблемы Мармон вновь возвращается к теме чумы:

«У нас больше не осталось хирургов для наших госпиталей; прошу вас прислать их как можно скорее. Военный комиссар Рено умер; комиссар Мишо на карантине; вся служба лежит на помощнике комиссара из Даманхура: он не может управляться со столь огромным механизмом, и, кроме того, нужен в своей провинции. Я прошу вас отправить к нам человека»³³.

Борьба с эпидемией осложнялась человеческим фактором. Деженетт отмечал, что, бывало «бессердечные эгоисты» отказывали больным в помощи, «истеричные трусы» распространяли панические слухи, но, самое страшное, что «столь же презренные и еще более преступные, чем они, люди» пускали в продажу пожитки умерших от чумы, чем способствовали распространению заразы³⁴.

Лишь месяц спустя эпидемию удалось взять под контроль. 23 февраля Мармон с облегчением написал Бонапарту: «С чумой дела в Александрии обстоят хорошо. Случаи заболевания стали не столь частыми; число умерших не столь значительно: наши госпитали теряют в день не более трех-четырёх человек»³⁵. Впрочем, полностью болезнь так и не ушла. На протяжении практически всей весны Брикар время от времени констатировал в своем дневнике ее присутствие в городе:

«В Александрии чума по-прежнему продолжает производить большие опустошения. С утра до вечера вы узнаете о потере ваших друзей, и каждый ждет только смерти. <...>

К 15-му [жержминаля или 4 апреля] чума проявилась очень сильно; были введены строгие запреты, чтобы затруднить сообщение с

³² Ibid. P. 442.

³³ Ibid. P. 446.

³⁴ *Desgenettes R.* Op. cit. P. 28.

³⁵ *Mémoires du Maréchal Marmont.* T. 1. P. 449–450.

городом. 16-го, 17-го, 18-го и 19-го умерло много местных жителей и французов, в основном гренадеров 75-й полубригады»³⁶.

И только во второй половине мая Брикар, наконец, отметил: «Чума начала затихать; среди французов происходит очень немногo случаев заражения»³⁷.

* * *

18 января 1799 г. генерал Ж.А. Вердье сообщил из Мансуры, что прибывшая туда из Дамьеты пятью днями ранее 2-я легкая полубригада принесла с собой чуму³⁸. Впрочем, согласно рапорту от 30 января посетивших Мансуру военного медика Б. Барбеса и хирурга 1 ранга Ю. Миллиоза, болезнь к тому времени там уже почти сошла на нет³⁹.

Таким образом, Восточная армия познала чуму еще до Сирийской кампании. И хотя первая волна поветрия практически не вышла за пределы Дельты, да и внутри нее затронула не все города, последствия эпидемии были достаточно тяжелыми. Находившийся тогда в Каире Ларрей позднее вспоминал: «Корреспонденция из Александрии, Дамьеты и Мансуры сообщала мне, что в этих городах появилась чумная лихорадка⁴⁰, сопровождавшаяся появлением язв и бубонов в паху и подмышках, и что она произвела большие опустошения, особенно в Александрии, где многие офицеры медицинской службы флота умерли в этот первый год. Два или три заражения подобного рода имели место и в Каире»⁴¹. Интересно, что сам Ларрей, обнаружив при вскрытии тела умершего в Каире солдата признаки чумы, сообщил о своем открытии только Деженетту⁴², очевидно, чтобы не породить панических настроений в армии, уже начавшей подготовку к походу на север.

Сирийская кампания

В Александрии еще не улеглась первая волна эпидемии, а основные силы Восточной армии с главнокомандующим во главе

³⁶ Journal du canonnier Bricard. P. 357, 359.

³⁷ Ibid. P. 363–364.

³⁸ Desgenettes R. Op. cit. P. 29.

³⁹ Ibid. P. 33–37.

⁴⁰ Чтобы не сеять среди личного состава панику, которую вызывало слово «чума», армейские врачи для обозначения этой болезни использовали такие эвфемизмы, как «чумная лихорадка», «бубонная лихорадка», «эпидемическая лихорадка», «злокачественная лихорадка», «болезнь желез», «господствующая болезнь», см.: *Hutin J.-F. La campagne d'Egypte*. P. 323–325.

⁴¹ *Larrey D.J. Op. cit.* P. 276.

⁴² Ibid. P. 276–277.

двинулись 6 февраля 1799 г. в Сирию⁴³ навстречу, как вскоре выяснилось, второй, еще более смертоносной, волне чумы.

Впрочем, четкий водораздел между первой и второй волнами провести трудно. Когда авангард армии еще вел военные действия под Эль-Аришем – турецкой крепостью на границе между Египтом и Сирией – в ближнем тылу французов уже вспыхнула чума, по всей видимости, принесенная войсками из Дельты. Ларрей, прибыв неделю спустя после начала кампании, в форт Катия, являвшийся главной оперативной базой сражавшихся под Эль-Аришем войск, констатировал чуму у одного из пациентов госпиталя: «За время моей краткой остановки в этом месте сюда поступило пять или шесть больных из дивизии Дамьетты, среди которых один имел чумную язву на левой ноге. Я приказал его изолировать и обратил на него внимание хирурга Андре. Из писем последнего я в дальнейшем узнал, что этот больной умер, как и три других, имевших, подобно ему, язвы»⁴⁴.

После капитуляции Эль-Ариша, произошедшей 20 февраля, Ларрей, осматривая турецких раненых, обнаружил чуму и у них: «У некоторые из этих людей были все симптомы злокачественной лихорадки; один из них имел чумной бубон в паху справа и язву на ноге с той же стороны. Всех этих признаков было достаточно, чтобы установить наличие чумы во вражеском гарнизоне. Я сообщил об этом генералу и главному казначею армии⁴⁵. Приказав поместить этих несчастных возле форта и изолировать, чтобы они никак не соприкасались с нашими войсками, я перевязал их...»⁴⁶. По распоряжению Ларрея вещи больных чумой были сожжены, а форт продезинфицирован известковой водой. Тем не менее, некоторые из оставленных там французских раненных какое-то время спустя скончались именно от чумы⁴⁷.

24 февраля французские войска без боя взяли Газу. Здесь был устроен госпиталь для будущих раненных и текущих больных. Последних было достаточно много, поскольку армии пришлось совершать длинные утомительные переходы под проливным и

⁴³ В XVIII в. Сирия или, как теперь ее еще называют, «Большая Сирия» включала в себя территории таких современных нам государств, как Палестина, Израиль, Иордания, Ливан и Сирийская Арабская республика.

⁴⁴ Ibid. P. 281.

⁴⁵ Медицинская служба во французской армии тогда непосредственно подчинялась финансовому ведомству.

⁴⁶ Ibid. P. 283–284.

⁴⁷ Ibid. P. 285.

холодным дождем⁴⁸. Однако люди болели не только простудой. «Среди заболевших, – пишет Ларрей, – я обнаружил одного или двух с атаксической лихорадкой*, которая приняла чумной характер»⁴⁹.

Таким образом, чума сопутствовала армии Бонапарта на протяжении всего пути до Яффы, а потому якобы внезапная вспышка эпидемии среди его солдат, которую он в своих мемуарах связывает именно с этим городом, на самом деле неожиданной отнюдь не была. Французские военные, как показал опыт госпиталя Катии, несли чуму с собой из Египта. Впрочем, и без них она к тому времени уже находилась в Сирии, что стало очевидно после взятия Эль-Ариша. Если до Яффы заражение не приобрело массового характера, то лишь потому, что отдельные части, растянутые на марше, мало соприкасались друг с другом. Под Яффой же, в четырехдневной осаде которой приняла участие практически вся армия, они оказались скучены на ограниченном пространстве, плотно контактируя между собой. К тому же, когда французские войска 7 марта ворвались в этот и без того уже затронутый чумой город, они предались безудержному грабежу всего, что только попадалось на глаза, включая вещи больных и умерших от поветрия. В таких условиях скачок заболеваемости был неизбежен.

Эпидемия чумы в рядах французских военных, отмечает Деженетт, начала распространяться еще во время осады⁵⁰. По наблюдению Ларрея, в тот момент в госпиталь стало поступать «довольно большое количество больных» при ограниченном числе раненных:

«Среди первых, прибывших из 32-й полубригады, несколько человек быстро умерло. Господин Сент-Урс, старший хирург этой полубригады, и я обнаружили на телах умерших синеватые припухлости в паху, а у некоторых гангренозные петехии**, что подтвердило мне существование ранее уже установленной мною чумной лихорадки. Я подал рапорт казначею и устно отчитался главнокомандующему»⁵¹.

⁴⁸ *Desgenettes R. Op. cit. P. 44.*

* Атаксия – расстройство моторики. В Восточной армии она, в частности, фиксировалась при заболевании чумой.

⁴⁹ *Larrey D.J. Op. cit. P. 287.*

⁵⁰ *Desgenettes R. Op. cit. P. 46–47.*

** Петехии – точечные округлые пятна, напоминающие сыпь и появляющиеся на коже в результате повреждения внутрикожных капилляров.

⁵¹ *Desgenettes R. Op. cit. P. 48; Larrey D.J. Op. cit. P. 288.*

После взятия города штурмом число заболевших еще больше подскочило. По совету врачей Бонапарт, чтобы сдержать эпидемию, приказал вывести войска из города и запретил солдатам забирать одежду местных жителей. Тем не менее, инфекция продолжала распространяться, вызывая смерть больных на пятый или шестой день болезни⁵². При том, что для ухода за больными и ранеными были учреждены два отдельных госпиталя в разных монастырях, некоторые раненные очень быстро оказались тоже поражены чумой⁵³. Правда, в тот момент число заболевших и близко не подходило к тем 700, о которых Бонапарт упоминает в мемуарах, рассказывая о своем посещении чумного госпиталя. Согласно официальным сводкам, 9 марта, то есть за два дня до визита главнокомандующего в госпиталь Яффы, там находилось 80 больных⁵⁴.

14 марта французские войска выступили по направлению к городу-крепости Акра, столице Ахмад-паши Джеззара, формально османского наместника, а фактически правителя Сирии. Чума Восточная армия несла с собой, потеряв от нее по пути нескольких человек, которых болезнь убила, как сказал Ларрей, «стремительно и страшно»⁵⁵.

20 марта началась осада Акры. В тот же день Деженетт, на глазах которого по пути к крепости умерло от чумы несколько солдат артиллерийского парка, издал инструкцию о мерах профилактики и лечения этой болезни. Приведу отрывок, дающий представление о наиболее распространенных методах, применявшихся тогда врачами:

«Злокачественная лихорадка, которая развивается пугающе быстро, требует восстановления нарушенного потоотделения. Для этого применяются омовение или обтирание чистой водой; принятие рвотного, особенно когда больного тошнит, что бывает почти всегда; после этого потение и силы поддерживаются напитком из отвара кофе и коры хинного дерева, ароматизированного лимоном. На бубоны надо накладывать смягчающий пластырь; не нужно пытаться их устранять, это происходит при кризисе болезни. Когда эти опухоли достигнут зрелости, их следует вскрыть скальпелем. Язвы же, чтобы ограничить их развитие, надо прижигать ляписом или каленым железом»⁵⁶.

⁵² *Desgenettes R.* Op. cit. P. 51.

⁵³ *Larrey D.J.* Op. cit. P. 289.

⁵⁴ *Desgenettes R.* Op. cit. P. 64.

⁵⁵ *Larrey D.J.* Op. cit. P. 291.

⁵⁶ *Desgenettes R.* Op. cit. P. 55–56.

«Частые случаи заразной лихорадки, с самого начала имевшие место в батальонах», побудили и Ларрея распространить еще более подробную инструкцию для хирургов о борьбе с ней⁵⁷.

Осада Акры длилась ровно два месяца: французские войска ушли из-под ее стен в ночь на 21 мая. Всё это время им пришлось вести смертельную борьбу на два фронта: против турок и англичан – на одном, против чумы – на другом. Эпидемия, пишет Ларрей, только прогрессировала⁵⁸. Устроенные в ближнем тылу армии три госпиталя были заполнены и больными, и ранеными, причем последних чума тоже поражала, причем как раз в тот период, когда они шли на поправку. По наблюдению Ларрея, в критический период борьбы организма с последствиями ранения – при нагноении раны – чума к человеку почему-то не цеплялась⁵⁹. О масштабах заболеваемости мы можем судить по тому, что к 10 апреля в госпитале для зараженных чумой, расположенном на горе Кармель, находилось 152 пациента. В последующие две недели туда поступило еще 269 человек, 137 выписалось, 54 умерло. Перед окончанием же осады Акры, на 10 часов вечера 16 мая 1799 г., в госпиталях находилось 222 больных чумой⁶⁰.

* * *

В то время, как армия сражалась под Акрой, вся ее коммуникационная линия – от Катии до Хайфы – также полыхала в огне эпидемии.

Газа, взятая французами без боя и разрушений, служила важнейшим звеном коммуникаций Восточной армии. Здесь были устроены склады и большой военный госпиталь для больных и раненных, руководить которым назначили военного врача Ж.Б. Брюана и молодого хирурга Девера. Изучив ситуацию на месте, оба уже 11 марта 1799 г. совместным рапортом известили коменданта города о том, что среди местных жителей еще до прихода французов началась эпидемия чумы, которая продолжает только нарастать, унося ежедневно от 5 до 10 и даже 12 жизней, преимущественно женщин и детей. Хотя французский госпиталь ею еще практически не затронут (за исключением одного врача), медики предприняли все необходимые меры для предотвраще-

⁵⁷ Larrey D.J. Op. cit. P. 295–299.

⁵⁸ Ibid. P. 305.

⁵⁹ Ibid. P. 314.

⁶⁰ Desgenettes R. Op. cit. P. 84.

ния этого в будущем⁶¹. Три дня спустя Брюан сообщил, что в госпиталь поступили два французских военных с полным упадком физических и интеллектуальных сил, с петехиями и бубонами в паху⁶². Дальше пошло по нарастающей. 31 марта Брюан доложил, что многочисленные больные чумой поступают из разных частей армии в большинстве своем лишь на третий день болезни, их лечат хинной, камфарой и лимонадом, а на четвертый, пятый и шестой дни они, как правило, умирают. Это было последнее донесение Брюана: несколько дней спустя чума убила и его⁶³.

Впрочем, умирали в госпитале Газы далеко не все. Пехотному капитану Ж.М. Муаре повезло выжить, о чем он рассказывает в походных записках, которые вел в Египте. При штурме Эль-Ариша Муаре получил ранение в ногу и был оставлен на излечение в лазарете этого форта. Когда рана затянулась, он с другими такими же выздоравливающими перебрался поближе к армии – в Газу, где из-за обострившегося ранения попал в госпиталь:

«Это была прелюдия лишь к еще большей беде, поставившей под угрозу саму мою жизнь. В тот день, когда я попытался во второй раз выписаться, я почувствовал, что на меня напала лихорадка с высокой температурой. Бубон в правой подмышке мне вскоре показал, какой опасности я подвергся, и какая болезнь меня настигла. На следующее утро 19 жерминаля [8 апреля] я позвал старшего хирурга, но мне сказали, что у него такое же заболевание, как у меня. Я позвал врача, но мне ответили: “У него чумная язва”. Я попросил позвать директора и обычного врача, но ответ оказался таким же. Однако мне крайне нужны были лекарства, и я позвал аптекаря. Он еле-еле притащился ко мне и признался, что тоже поражен общим недугом. Он посоветовал мне вызвать рвоту и пропотеть, сказав, что и сам так делает. Я последовал его совету, и мне стало лучше. После того, как жар и слабость у меня прошли, я поинтересовался, что слышно о моих шести товарищах по путешествию [из Эль-Ариша]. Все они были мертвы, кроме аптекаря, который последовал за ними в могилу четыре дня спустя. <...> Из трехсот французов, размещенных в этом городе, по меньшей мере две трети умерло, став жертвами поветрия в течение шести недель»⁶⁴.

⁶¹ Ibid. P. 57–60.

⁶² Ibid. P. 61.

⁶³ Ibid. P. 67–69.

⁶⁴ *Moiret J.-M. Mémoires sur l'expédition d'Égypte. P., 1984. P. 89.*

Старшим хирургом, которого пытался вызвать Муаре, был, очевидно, Девер. Он заразился, ухаживая за своим коллегой и дружкой Брюаном, и через несколько дней после его смерти разделил ту же участь⁶⁵.

Форт *Катия* являлся начальным пунктом маршрута, откуда коммуникационная линия тянулась из Египта к стенам Акры. 2 апреля 1799 г. капитан А.Э. Мишо, комендант Катии, сообщил:

«10-го числа сего месяца [жерминаля, т. е. 30 марта] в форте объявилась опасная болезнь. Ее симптомы – головная боль, бубоны в паху или подмышках, жар. 8-го в госпитале еще не было пациентов. С 8-го по 10-е один за другим заболели два санитар, артиллерийский рабочий, сапер и волонтер. Рабочий умер 10-го, сапер – 11-го. Эти события побудили меня немедленно подготовить мечеть, находящуюся внутри редута, к приему больных, которые после необходимой подготовки и были туда переведены 11-го числа. Снаружи я поставил охрану; сообщение с госпиталем осуществляется при соблюдении всех предосторожностей. 12-го умерли оба санитар. Сегодня, 13-го, умерли поступившие накануне волонтер из 18^{-й} полубригады и сапер. Остаются пятеро больных, а именно: три сапера, сержант и фузилер из 32^{-й} полубригады. Для ухода за больными у нас есть только хирург 3-го ранга и санитар. Мы запросили помощь из Дамьеты»⁶⁶.

Однако настоящей «столицей эпидемии» стала *Яффа*, центральный пункт коммуникационной линии. Ранее уже отмечалось, что еще во время осады Яффы и сразу после ее взятия число военнослужащих Восточной армии, заболевших чумой, стало быстро расти. По данным, представленным 23 марта начальником медицинской службы Яффы Ж.-Ф. Сент-Урсом, к 80 пациентам, находившимся в госпитале на 9 марта, в последующие 12 дней добавилось 266. За тот же период 128 выздоровело и 87 умерло. Особо Сент-Урс обращал внимание на чувствительные потери среди медицинского персонала: к тому моменту скончались хирург и фармацевт госпиталя, еще два фармацевта заболели⁶⁷. 29 марта Сент-Урс сообщил, что оба заболевших фармацевта умерли⁶⁸. 1 апреля он написал Деженетту, что в госпитале Яффы вообще больше не

⁶⁵ Desgenettes R. Op. cit. P. 69–70.

⁶⁶ Ibid. P. 79–80.

⁶⁷ Ibid. P. 64–65.

⁶⁸ Ibid. P. 66.

осталось фармацевтов, а санитары, как из числа французов, так и местных жителей, умирают ежедневно⁶⁹.

Число медиков в Яффе сокращалось, число больных росло. К тем 149 пациентам, что находились в госпитале на 21 марта, в период до 1 апреля прибавилось 86, выздоровело 50, скончалось 55. 4 апреля Сент-Урс доложил, что от чумы умер и французский комендант Яффы генерал-адъютант Грезьё⁷⁰. И, наконец, 10 апреля Сент-Урс сообщил Деженетту, что за прошедшие девять дней в госпиталь поступило 67 заболевших чумой, выздоровело 51, скончалось 55⁷¹. Это было последнее сообщение Сент-Урса – в последующие несколько дней умер от чумы и он.

Наглядное представление о происходившем тогда в Яффе дают воспоминания военного инженера Э.Л. Малюса, служившего в гарнизоне этого города:

«Мне поручили руководить работами в чумном госпитале, которым стал греческий монастырь. В течение десяти дней я прилежно туда приходил и проводил утро в зараженном воздухе этой клоаки, все углы которой были забиты больными. Лишь на одиннадцатый день я почувствовал недомогание: жар и жестокие головные боли заставили меня остаться дома. К этому добавилась постоянная диарея, и мало-помалу проявились все признаки чумы. К тому времени генерал-адъютант Грезьё умер. Уже половина гарнизона была поражена, в городе умирало примерно тридцать солдат за день. Бринкье, заменивший меня на строительстве в госпитале, заболел на четвертый день и умер через 48 часов. В это время у меня справа в паху появился бубон. До того я все время надеялся, что у меня болезнь другого рода, чем всеобщая эпидемия. Казалось, на это указывает число дней, прошедшее после начала болезни, однако, как только появился бубон и головные боли усилились, я больше не мог тешить себя сомнением и принял свой жребий. <...> По мере того, как продолжалась осада Акры, в Яффу прибывали все новые больные, наполняя собой помещения для умирающих. Кроме того, болезнь гнездилась во всех домах города, где еще находила жителей. Беженцы из Рамаллы, пришедшие в Яффу искать у нас защиты, умерли почти все. Монастырь капуцинов, объявивший карантин, не смог избежать заразы: большинство священнослужителей там умерло. Все семьи франков,

⁶⁹ Ibid. P. 72.

⁷⁰ Ibid. P. 73.

⁷¹ Ibid. P. 76.

кроме двух мужчин и одной женщины, тоже умерли. <...> Из тех, кто оставался в Яффе, я не знал больше никого. Я потерял поочередно всех своих друзей, знакомых, слуг. У меня не осталось никого, кроме моего французского слуги, который усердно ухаживал за мной на протяжении всей моей болезни. 24 жерминаля (13 апреля) он умер возле меня»⁷².

При всей выразительности этого текста, прекрасно передающего атмосферу обреченности, царившую в городе, к приведенным в нем цифрам надо относиться с известной долей осторожности, делая поправку на тяжелое физическое состояние автора в те дни. Если бы гарнизон терял в день по тридцать солдат, то уже через пять дней от него ничего бы не осталось. Официальные цифры потерь гарнизона Яффы от чумы, приведенные в донесениях Сент-Урса, выглядят скромнее, хотя и они, безусловно, впечатляют.

* * *

10 мая после очередного неудачного штурма Бонапарт принял решение снять осаду Акры и увести свои войска в Египет. Разумеется, к такому мнению он пришел отнюдь не потому, что боялся заразить в Акре свою армию чумой, как потом станет заверять в мемуарах. От чумы его армия уже несла ежедневные потери: эпидемия захватила все оккупированные французами территории. Взятие еще одного зараженного инфекцией города ничем в данном отношении не угрожало. Осада была снята из-за физической невозможности взять крепость имевшимися в наличии силами французской армии: они таяли день ото дня в бесплодных штурмах и огне эпидемии, тогда как Джебзар получал по морю всё новые подкрепления.

Хотя чума отнюдь не была главной причиной неудачного для французов исхода Сирийской кампании, она немало ему способствовала. Данное предприятие Бонапарта стоило Восточной армии 2 200 погибших, из которых 1 000 унесли болезни и, прежде всего, чума⁷³.

После Бонапарта

Нам остается ответить на вопрос, почему тема чумы столь внезапно исчезает из мемуаров Наполеона сразу после его рассказа о возвращении армии из Сирии.

⁷² L'Agenda de Malus. Souvenirs de l'expédition d'Égypte. P., 1892. P. 140–144.

⁷³ La Jonquière C., de. Op. cit. T. 4. P. 632.

Вся история Египетской кампании была для Бонапарта крайне неудобным сюжетом, представлявшим собою своего рода минное поле, где неосторожный шаг в сторону мог повлечь за собой обрушение всей официально принятой трактовки событий и нанести ущерб его репутации. Одной из таких «мин» как раз и был вопрос о присутствии чумы в Египте после отъезда оттуда Бонапарта.

Согласно версии Наполеона, он оставил своему преемнику, генералу Ж.Б. Клеберу, Восточную армию в полном порядке и последующая утрата французами Египта была исключительно следствием ошибочных действий самого Клебера и сменившего его генерала А.Ж. Мену. Самой тяжкой «ошибкой» Клебера Бонапарт считал заключение Эль-Аришского соглашения, якобы никоим образом не обусловленного текущей ситуацией. Этот пункт для Наполеона был столь принципиально важен, что уже на острове Святой Елены он составил подробное опровержение выдвинутой в свое время Клебером аргументации в пользу мирных переговоров, предполагавших уход французов из Египта⁷⁴. Одним из предметов этого заочного спора между ними была тема чумы в Египте после отъезда Бонапарта.

Покидая Египет, Бонапарт письменно известил Клебера о том, что передает ему командование армией, приложив к своему посланию четыре инструкции, касавшихся разных аспектов управления оккупированной страной. В одной из них оговаривалась возможность начала переговоров с неприятелем об уходе французов из Египта:

«Если в силу непредвиденных событий все попытки [установить постоянное сообщение с метрополией] окажутся бесплодными, если к маю вы не получите из Франции ни подкреплений, ни известий, если в этот год, несмотря на все предосторожности, в Египте будет чума и уьет у вас более 1500 человек – потери значительные и превышающие те, что ежедневно наносит война, – то в таком случае <...> вам дозволяется заключить с Османской Портой мир, даже если его главным условием станет эвакуация из Египта»⁷⁵.

Приняв не по своей воле командование и оценив плачевное состояние, в котором ему оставил армию предшественник, Клебер обратился с пространнным посланием к правившей во Франции

⁷⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Египетское «наследие» Бонапарта // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 100–127.

⁷⁵ *La Jonquière C., de.* Op. cit. Т. 5. Р. 594. Курсив мой – А.Ч.

Директории, объясняя необходимость срочного начала переговоров с неприятелем во избежание неминуемой в противном случае военной катастрофы. В своем послании он особо прокомментировал и приведенный выше пункт инструкции Бонапарта: «Хочу, граждане Директора, особо отметить данный пассаж, поскольку он весьма характерен в разных отношениях и хорошо показывает то критическое положение, в котором я нахожусь. Разве имеет какое-то значение 1500 человек больше или меньше при той огромной территории, которую мне надо оборонять, ежедневно ведя военные действия?». В написанном на Святой Елене опровержении Наполеон на это ответил так:

«Египту не угрожало никакой опасности, кроме низкого боевого духа в штабе армии. Чума, поразившая армию в 1799 г., лишила ее 700 человек. Если бы в 1800 г. она лишила ее 1500 человек, то оказалась бы вдвое более губительной. На этот случай уезжающий генерал, предвидя основную опасность, угрожающую армии, хотел снять часть ответственности со своего преемника и разрешил ему, если тот не получит до мая 1800 г. известий от правительства, вступить в переговоры на условии, что французская армия остается в Египте до заключения общего мира. Однако ничего такого не случилось. Это был не май месяц, а сентябрь. Должна была еще пройти зима, в течение которой из Франции, возможно, поступили бы известия. И наконец, чума не поразила армию в 1800 и 1801 гг.»⁷⁶.

Я выделил последнюю фразу, поскольку именно она объясняет то, почему тема чумы так внезапно пропала из мемуаров Наполеона. Чтобы на корню пресечь апелляцию Клебера к данному пункту оставленной ему инструкции, бывший император одним росчерком пера «удалил» чуму из покинутого им Египта. Эпидемии, мол, после его отъезда уже не было, а потому соответствующая аргументация Клебера в пользу мирного соглашения с противником несостоятельна.

Посмотрим, как обстояли дела, согласно свидетельствам оставшихся в Египте людей.

Деженетт отмечал, что после паузы, связанной с летней жарой и разливом Нила, чума вновь появилась в октябре 1799 г. близ Дамьеты в форте Лесбе и в Александрии⁷⁷. И если в ноябре-декабре случаи заболевания ею были еще немногочисленны, то уже в ян-

⁷⁶ Kléber en Égypte 1798–1800. Т. 2. Р. 525–526. Курсив мой – А.Ч.

⁷⁷ Desgenettes R. Op. cit. Р. 130.

варе – феврале 1800 г. Деженетт фиксирует ее «почти во всех пунктах дислокации армии, особенно в Александрии, Лесбе, Розетте и даже в Каире»⁷⁸. Весной 1800 г. наиболее значительная вспышка эпидемии произошла в Дамьетте, где 30 марта одновременно заболели «чумной лихорадкой» одиннадцать человек⁷⁹.

Весна 1800 г. ознаменовалась возобновлением военных действий и активных перемещений частей Восточной армии, вызванной необходимостью «второго завоевания Египта», из-за чего, признает Деженетт, было весьма затруднительно установить, точный диагноз болезни для каждого летального исхода⁸⁰. По окончании же весенней кампании летняя жара и разлив Нила вновь вызвали паузу в распространении чумы⁸¹, носившем в течение года после отъезда Бонапарта в целом сравнительно умеренный характер.

Зато третий год пребывания Восточной армии в Египте, который она встретила под командованием генерала Мену, ознаменовался мощнейшей вспышкой эпидемии. На сей раз она началась в Каире и его окрестностях. 13 февраля 1801 г. Деженетт констатировал, что «эпидемия постепенно развивается» в Большом Каире, Старом Каире и Гизе, откуда больных доставляют в лазареты⁸². К концу марта число заболевших в Каире было уже столь велико, что для них пришлось создать новый чумной лазарет⁸³. После того, как генерал Мену ушел с основными силами армии к Александрии, в окрестностях которой высадилась английская армия, вслед ему из Каира 5 апреля 1801 г. полетело следующее письмо Деженетта:

«После вашего отъезда из Каира эпидемия усилилась, несмотря на сокращение гарнизона. Смертность среди жителей постепенно достигла 100 человек в день, а в один из дней даже достигала 110, что превышает все показатели с момента нашего прибытия в Египет. Поскольку в целях обороны потребовалось свезти больных из всех других учреждений в Цитадель, это привело к большой скученности, которая, хотя и временна, но уже вредна и таковой будет впредь. В ла-

⁷⁸ Ibid. P. 137, 139, 145.

⁷⁹ Ibid. P. 147.

⁸⁰ Ibid. P. 149.

⁸¹ Ibid. P. 155.

⁸² Ibid. P. 209–210.

⁸³ Ibid. P. 213.

зарете Булака содержатся еще 60 больных. На ферме Ибрагим-бея⁸⁴ находятся 30 выздоравливающих и должны еще поступить, если ничего не произойдет. В обсервационных помещениях и лазарете Цитадели, устроенном возле ворот Ромели, находятся от 60 до 80 человек. <...> Сколь бы лестно и приятно мне ни было, генерал, находиться рядом с вами, я убежден, что мое место в той части армии, где эпидемия производит наибольшие опустошения»⁸⁵.

10 апреля Деженетт сообщил, что распространение эпидемии несколько замедлилось: в лазареты ежедневно поступает от 21 до 24 больных, умирает от 12 до 15. Смертность же среди жителей Каира стала чуть меньше 100 человек в день⁸⁶. К 30 апреля смертность среди французских военных, по подсчетам Деженетта, составляла в среднем 12 человек в день, среди горожан она колебалась от 64 до 100⁸⁷.

К 11 мая в каирские госпитали поступило 380 человек, выздоровело 111, умерло 47. Причем речь шла именно о заболевших чумой, поскольку гарнизон в тот момент военных действий не вел. Как видим, число больных в одном только Каире, где располагалась на тот момент меньшая часть армии, превосходило их количество перед завершением осады Акры, в котором участвовало основное ядро Восточной армии. Между тем, эпидемия ширилась: в мае пришлось открыть еще один госпиталь. И хотя в середине июня Деженетт доложил Мену в Александрию, что эпидемия в Каире завершилась, к концу того же месяца в каирских госпиталях еще находилось 266 больных чумой⁸⁸.

Случаи чумы имели место и в тех войсках, которые до конца августа 1801 г. обороняли Александрию от англичан. Однако здесь они были немногочисленны. По свидетельству Ларрея, возглавлявшего медицинскую службу осажденного города, за время осады чумой заболели лишь 13 человек, включая главнокомандующего генерала Мену, из которых 10 в конечном счете выздоровели⁸⁹.

В свете приведенных Деженеттом и Ларреем сведений заявление Бонапарта о том, что «чума не поражала армию в 1800 и 1801 гг.»,

⁸⁴ В бывшем загородном дворце Ибрагим-бея, который французы называли «фермой Ибрагим-бея», располагался их главный военный госпиталь.

⁸⁵ Ibid. P. 214–216.

⁸⁶ Ibid. P. 216–217.

⁸⁷ Ibid. P. 219.

⁸⁸ Ibid. P. 220–226.

⁸⁹ Larrey D.J. Op. cit. P. 338–339.

выглядит, пожалуй, излишне смелым. Однако для подтверждения его версии истории Египетского похода оно подходило как нельзя лучше.

* * *

Чума, как мы видели, была постоянной спутницей Восточной армии в Египте и Сирии с первого и до последнего дня экспедиции. Ей французы были обязаны значительной долей понесенных ими потерь⁹⁰. Однако в предложенной Бонапартом интерпретации Египетского похода чума фигурирует лишь эпизодически – только в тех местах, где это требуется для поддержания создававшейся им «золотой легенды» о себе самом. Он не упоминает о ней в самом начале кампании, когда Восточная армия впервые испытала ее удар, потому что, введя ее там в повествование, он бы омрачил свой триумф завоевания Египта появлением на сцене врага, победить которого главному герою не по силам.

Чума входит в его нарратив только в связи с многократно восславленным к моменту написания мемуаров эпизодом посещения Бонапартом чумного госпиталя – эпизодом, фактически уравнивавшим его с королями-чудотворцами прежних времен. Причем появление «царицы болезней» тут обставлено драматическими эффектами: упоминается даже о 700 больных, которых, на самом деле, тогда в армии еще не насчитывалось.

После посещения Бонапартом госпиталя чума в его описании чудесным образом покидает Восточную армию и гнездится уже только в осажденной Акре, вынуждая великого военачальника отказать от взятия города, чтобы уберечь своих солдат от заражения.

И, наконец, после упоминания о нескольких безнадежных больных, получивших по приказу Бонапарта лауданум, – он не мог не изложить наиболее благоприятную для себя версию данного эпизода, за который его многократно клеймили недруги – чума вообще уходит из его повествования. Наполеон не хотел оставлять своим преемникам по Восточной армии, на которых свалил всю вину за потерю Египта, столь сильный аргумент в оправдание их действий. Ссылаться на природные обстоятельства непреодолимого характера – привилегия лишь великих людей.

⁹⁰ Деженетт оценивал число умерших от всех болезней в 4500 чел., то есть 50% от общих потерь Восточной армии. Правда, кроме чумы, люди погибали и от других недугов, в частности, от дизентерии. См.: *Hutin J.-F. La campagne d'Égypte. P. 526.*

REFERENCES

- Crouzet S.* Dissertation sur la peste. Marseille, 1822.
- De Villiers du Terrage E.* Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte (1798–1801). Paris, 1899.
- Desgenettes R.* Histoire médicale de l'armée d'Orient. Paris, 1802.
- Hutin J.-F.* La campagne d'Égypte: une affaire de santé (1798–1801). Paris, 2011.
- Hutin J.-F.* La littérature médicale de la campagne d'Égypte // Histoire des sciences médicales. 2012. Т. 46. № 1. P. 19–30.
- Journal du canonnier Bricard. Paris, 1891.
- Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988. Т. 1-2.
- La Jonquière C., de.* L'expédition d'Égypte. Paris, 2003. Т. 2, 4.
- Larrey D.J.* Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Paris, 1812. Т. 1.
- L'Agenda de Malus. Souvenirs de l'expédition d'Égypte. Paris, 1892.
- Mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse, de 1792 à 1841. 3e éd. Paris, 1857. Т. 1.
- Moiret J.-M.* Mémoires sur l'expédition d'Égypte. Paris, 1984.
- Наполеон Бонапарт.* Египетский поход. Санкт-Петербург, 2007 [Napoleon Bonapart. Egipetskiï pokhod. Sankt-Peterburg, 2007].
- Чудинов А.В.* Египетское «наследие» Бонапарта // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. Москва, 2019. С. 100–127 [Tchoudinov A.V. Egipetskoe «nasledie» Bonaparta // Frantsuzskii ezhegodnik 2019: Epokha Napoleona i pamiat' o nei. Moskva, 2019. S. 100–127].
- Чудинов А.В.* Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800. Москва, 2019 [Tchoudinov A.V. Zabytaia armiia. Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800. Moskva, 2019].

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук
главный научный сотрудник
Саратовский национально-
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва,
Ленинский пр-т, 32а
e-mail: tchoudin@mail.ru

Tchoudinov, Alexander

Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street,
Saratov, 410012
Chief Researcher, Institute of World
History of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
e-mail: tchoudin@mail.ru
Researcher ID B-9655-2017
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800